

1611

Центральной Комитетъ Россійской Коммунистической
Партии

З А Я В Л Е Н И Е

13

Получивъ предписание отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ уничтожить суда Черноморскаго Флота, стояща въ Новороссійскѣ, я въ ночь съ 13 на 14 Іюня выѣхалъ изъ Москвы и 17 Іюня въ положенный четвертаго часа прибылъ въ Екатеринодаръ.

Со словъ товарища Шляпникова, я узналъ, что Вахрамѣевъ и Глѣбовъ-Авиловъ, имѣвшие ту же самую задачу- уничтоженіе Черноморскаго Флота, были встрѣчены нѣмъ на станціи Торговая и возвращены въ Екатеринодаръ.

Тогда же, на основаніи всѣхъ выясненныхъ нами обстоятельствъ у меня и у товарища Шляпникова сложилось ясное впечатлѣніе, что Вахрамѣевъ и Авиловъ-Глѣбовъ покинули 13 Іюня Новороссійскъ абсолютно безъ всякихъ основаній. Съ этимъ впоследствии согласился и самъ Авиловъ-Глѣбовъ въ бесѣдѣ со мною 21 Іюня въ Царицынѣ. Онъ самъ призналъ, что ихъ отъѣздъ былъ несомнѣнной ошибкой. Я считаю, что это не ошибка, а преступленіе повлекшее за собой переходъ части Черноморскаго Флота, во главѣ съ "Волод" въ руки германскихъ империалистовъ.

Побѣдъ Вахрамѣева и Главнаго Комиссара Авилова-Глѣбова мотивировались ими ^{ссылкой} на слухи, циркулировавшіе въ городѣ о явномъ предостереженіи арестъ Авилова-Глѣбова.

Признавая это обстоятельство недостаточнымъ основаніемъ я рассматриваю преждевременный отъѣздъ Вахрамѣева и Авилова Глѣбова изъ Новороссійска, какъ постыдное бѣгство, повлекшее за собой невыполненіе ими чрезвычайнаго ответственнаго военнаго приказа. Выѣхавъ вечеромъ 17 Іюня изъ Екатеринодара изъ Новороссійска, я встрѣтился съ Вахрамѣевымъ и Авиловымъ-Глѣбовымъ въ пути на станціи Тоннельная. Ихъ побѣдъ направлялся обратно въ Екатеринодаръ. Я прыгнулъ въ вагонъ, гдѣ находился Вахрамѣевъ, Авиловъ-Глѣбовъ, председатель Чрезвычайнаго Штаба

...товарищ Руснак, и редактор Новоросси-
ского ... и товарищ С.С. Демидов /Комьянов/.

Васильев и Авиллов-Глѣбовъ сказали мнѣ "что они вто-
речно убьютъ изъ Новороссиискаввиду создавшейся совершенно
невыносимой атмосферы". И оба принялись уговаривать меня не
ѣхать въ Новороссиискъ т.к. тамъ на вокзалѣ "ѣдутъ съ вин -
товками" и что оттуда я все равно не выберусь живымъ. Они
настоятельно предлагали мнѣ возвратиться вмѣстѣ съ ними въ
Екатеринодаръ и оттуда по телефону давать предписаніе Терен-
тьеву о необходимости взорвать Черноморскій Флотъ. Я отъ-
тилъ, что давать предписанія по телеграфу я могъ бы съ ус-
пѣхомъ изъ Москвы и предложилъ имъ каждому за себя рѣшить во-
просъ о возвращеніи въ Новороссиискъ заявивъ, что я во вся-
комъ случаѣ туда поѣду, чѣмъ бы мнѣ это не угрожало. Въ от-
вѣтъ на это Вахрамѣевъ и Авилловъ-Глѣбовъ мнѣ заявили, что он-
со мной не поѣдутъ. Ихъ поѣздъ тотъ часъ же отошелъ на Сѣверъ

Въ этотъ первый побѣгъ двухъ ответственныхъ должностныхъ
лицъ повлекъ къ тому, что въ самый критическій моментъ, когда
рѣшалась судьба Черноморскаго Флота, когда Тихменевъ устраи-
валъ референдумъ, когда происходили важнѣйшія делегатскія со-
бранія, съ 13 по 17 Іюня Черноморскій Флотъ былъ совершенно
лишенъ политическаго руководства.

Второй побѣгъ обусловилъ собою отсутствіе на Флотѣ Вахра-
мѣева и Глѣбова въ тотъ важный моментъ, когда происходило уни-
чтоженіе оставшихся судовъ, организованное, правда, не ими.

Возвращательные побѣги, внушенные паническими преувели-
ченными слухами, повлекли ихъ въ самое большое для военныхъ
людей преступленіе - не выполненіе военной задачи.

Кромѣ того, съ революціонно-этической стороны ихъ поступ-
ки слѣдуетъ трактовать, какъ факты недостойнаго поведенія.

Со словъ Авилова-Глѣбова, мнѣ извѣстно, что когда 17 Ію-
ня онъ былъ на "Волѣ", то Тихменевъ ему прямо въ лицо заявилъ
о своей изменѣ, а въ отвѣтъ на требованіе Главнаго Комиссара
возвратить секретные документы, отказался выполнить это и

признать, что если Русское Правительство будет проявить сто-
го свое умение этим документам соответствующее употребление,
явно не имеет на самое гнусное предательство.

Ввиду того такое заявление, сопровождавшееся рьяными оска-
корбительными выпадами по адресу вождей Революции, Авиллов-
Глѣбовъ не только не вострѣли на мѣстѣ коварнаго негодяя,
но даже не побоялись довести объ этомъ возмутительнѣйшемъ
признаніи капитаника-командира до свѣденія команды корабля.

Ввиду такого поведенія, диктовавшагося совѣстью и разу-
момъ революціонера Авилловъ-Глѣбовъ съѣхалъ съ корабля, предо-
ставивъ командиру "Боли" довести до конца свое злое дѣло.

На основаніи всего вышесказаннаго я обвиняю Вахрамѣева
и Авиллова-Глѣбова въ томъ, что они по своей собственной винѣ,
по корадѣи, трусости и склонности къ паникѣ не выполнили
порученную имъ задачу огромной государственной важности, въ
результатъ чего линейный корабль "Воля" и 6 миноносцевъ ушли
въ порты, занятый войсками германскаго империализма.

Кромѣ того, отговаривая меня, извѣстнаго имъ какъ дол-
жностное лицо, ядущее со специальнымъ порученіемъ въ Новорос-
сію, отъ прямого исполненія моего долга ^{они} тѣмъ самымъ пы-
тались препятствовать исполненію мисси, ранѣе возложенной на
нихъ и козорно ими не выполненной.

Кромѣ того Главный Комиссаръ Авилловъ-Глѣбовъ допустилъ,
что Капитаникъ Морскихъ Силъ Тихменевъ увезъ всѣ секретные до-
кументы, въ мѣстности, занятую врагомъ.

Все поведеніе Авиллова-Глѣбова и Вахрамѣева я считаю аб-
солютно несовмѣстимымъ съ понятіемъ революціонной чести и съ
достоинствомъ Членовъ Коммунистической Партіи и Представите-
лей Советской Власти.

По сему я прошу Центральнй Комитетъ Россійской Коммуни-
стической Партіи о разслѣдованіи образа дѣйствій Вахрамѣева и
Авиллова-Глѣбова и объ устраниніи ихъ отъ всякихъ общественно-
политическихъ обязанностей до ихъ реабилитаціи передъ Партіей
и ея судомъ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ

Расканинъ